

С. А. Алексеев

Деникин. Юденич. Врангель
Мемуары

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. А. Алексеев**
Деникин. Юденич. Врангель: Мемуары / С. А. Алексеев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 456 с.

ISBN 978-5-458-29651-9

Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. Мемуары Деникин, Лукомский, Раковский, Воронович, Скобцов, Оболенский, Валентинов, Горн и др. В данном томе читатель найдет интересный материал по истории Гражданской войны и белогвардейских движений, относящихся ко многим районам СССР и к очень разнообразным периодам. Отрывки из мемуаров Деникина, Лукомского и Скобцова рассказывают о том периоде, когда Деникин стоял во главе всех контрреволюционных сил Юга России.

ISBN 978-5-458-29651-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

С. А. АЛЕКСЕЕВ

Сергей Александрович Алексеев, почину которого обязано выходом в свет настоящее издание, принадлежит к тому поколению русских марксистов, работа которого началась в середине 90-х гг. С. А. родился 19 февраля (ст. ст.) 1878 г. в г. Курске в семье артиллерийского чиновника. Окончив в 1896 г. Ковенскую гимназию, С. А. поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета, принимал деятельное участие в студенческих кружках самообразования, помогал работе тогдашнего «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»—и летом 1897 г. был в первый раз арестован. Просидев в Доме предварительного заключения свыше года, С. А. должен был расстаться с Петербургом и перебраться в Харьков, где ему удалось вновь поступить в университет. Однако, весной 1899 г. в связи с студенческими «беспорядками» С. А. был исключен из университета и должен был на долгие годы прервать академические занятия. Исключение из университета не сопровождалось высылкой из Харькова, благодаря чему С. А. продолжал принимать деятельное участие в работе местного партийного комитета, членом которого состоял, и в связи с этой работой вновь подвергся аресту в 1901 г., вновь просидел более года в тюрьме и был затем выслан из Харькова. Поселившись в Саратове, С. А. работал в редакции «Саратовского дневника» затем должен был перебраться в Уральск, где работал в редакции «Уральца», из Уральска переселился не надолго в Ростов-на-Дону, а в 1904 г. поселился в Одессе. Здесь С. А. организовал первое по времени в России легальное издательство социал-демократической литературы под фирмой своей жены Е. М. Алексеевой, которой позже пришлось отсидеть год в тюрьме по судебному приговору за эту издательскую деятельность. В 1905 г. издательство было переведено в Петербург, переименовано в книгоиздательство «Новый мир» и стало партийным издательством меньшевиков. «Новый мир» выпустил огромное количество социал-демократической литературы, главным образом переводной, при ближайшем участии С. А., как заведующего, редактора и переводчика. С 1905 по 1918 г. С. А. проживал почти безвыездно в Петербурге, занимаясь, главным

образом, литературной работой, не покидая и партийной деятельности. В 1908 г. он вернулся к университетским занятиям, на этот раз благополучно завершившимся получением университетского диплома. В 1918 г. С. А. покинул Петербург и уехал с семьей в Киев, где оставался до осени 1922 г., когда ему удалось перебраться в Москву. Как опытный литературный работник с выдающимися организаторскими способностями, С. А. был приглашен на ответственную работу в Социально-экономическом отделе Госиздата, в котором работал в течение многих лет. Москва произвела решительный переворот в политическом мировоззрении С. А. Раньше, с самого раскола партии в 1903 г. и вплоть до 1918 г., С. А. был меньшевиком, затем под влиянием уроков жизни все более и более отходил от меньшевизма, о разрыве с которым заявил печатно, а в последние годы своей жизни стал убежденным коммунистом, хотя меньшевистское прошлое и мешало формальному вступлению его в ВКП(б). Замысел выпустить историю гражданской войны в форме систематизированных выдержек из мемуаров белогвардейцев, к которым С. А. относил и меньшевиков, был порожден именно этим коренным переломом в его политическом мировоззрении.

С. А. был плодовитейшим литературным работником,—к сожалению, вынужденным обстоятельствами тратить почти все свои силы на переводы и компиляции. Впрочем на его долю выпала благодарная задача перевода многих произведений самого Маркса и некоторых классиков марксизма («Нищета философии», «Коммунистический манифест» и др.). Его переводы всегда точны и сделаны с большим знанием научной терминологии.

Написанная им для издательства «Молодая гвардия» История Октябрьской революции должна была начать серию самостоятельных исторических работ, которые С. А. обдумывал и выполнял бы, не помешай тому роковой недуг—рак желудка, сведший С. А. 18 апреля 1930 года после операции в могилу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

к первому изданию

Предлагаемый читателям пятый том воспоминаний белогвардейцев является последним, заключительным томом этой серии. В пятом томе читатель найдет интересный материал по истории гражданской войны и белогвардейских движений, относящихся ко многим районам СССР и к очень разнообразным периодам. Отрывки из мемуаров Деникина, Лукомского и Скобцова рассказывают о том периоде, когда Деникин стоял во главе всех контрреволюционных сил Юга России. Воспоминания белогвардейцев Оболенского, Раковского и Валентинова касаются Крыма времен Врангеля. Горн рассказывает о временах Балаховича и Юденича в Пскове и Петроградской губ. Герасименко обрисовывает в своих воспоминаниях фигуру Махно. Воспоминания Вороновича рисуют картину развития «зеленого» движения в Сочинском округе. И наконец отрывки из статьи Штифа знакомят читателя с картиной еврейских погромов, которые учиняла белогвардейщина. Незатронутыми в пятом томе остаются только Сибирь и северный район, которым посвящен IV том.

Сравнивая картины белогвардейского движения в различных районах его действия, сравнивая далее их с тем, что рассказывалось в предыдущих томах, в статьях других авторов, невольно приходишь к выводу о поразительно однообразном характере всех этих движений. Во всех этих движениях, описанных и зарисованных различными авторами, ясно сквозит одно и то же классовое содержание движения, повсюду встречаешь одни и те же ошибки, которые приводят повсюду к одному и тому же результату—к разгрому белогвардейского движения. Приходящий на место разбитого генерала новый вождь (например, Врангель на место Деникина) видит эти ошибки. Он пытается хотя бы для видимости устранить их, но классовый характер движения оказывается сильнее. Он ярко пробивается во всей политике с самого начала, и чем дальше идет это движение, тем решительнее сходит оно на старые рельсы старой, зверски-ожесточенной борьбы за помещичьи классовые интересы. И в результате дело кончается новым разгромом движения.

Интересно далее однообразие выводов относительно белого движения на основе изучения материалов, авторами которых являются контрреволюционные деятели самых разнообразных политических направлений—от монархиста до эсера. Все они

одинаково ярко рисуют классовый буржуазно-помещичий характер белогвардейщины и—поскольку они касаются этой стороны дела—классовый рабоче-крестьянский характер побеждающей их революции.

В настоящем предисловии мы хотим отметить только некоторые наиболее яркие и характерные черты белого движения, красной нитью проходящие через это движение на всем его протяжении, где бы оно ни развивалось.

Прежде всего нужно отметить наблюдаемое повсюду стремление скрыть этот классовый, буржуазно-помещичий характер, и стремление притом вполне сознательное. Всюду белогвардейщина стремится представить с виду свое дело, как защиту интересов всего народа, как защиту интересов демократии.

«Необходимо помнить, что в то время вся правая компания сознательно гримировалась под «демократизм» и обычно тщательно скрывала свое подлинное лицо»,—говорит Горн о северо-западной белогвардейщине.

«Становилось все яснее, что для правого большинства мы были нужны, как некоторое прикрытие»,—говорил один из цитируемых Деникиным «левых» демократов его «Особого совещания».

Ни там, ни тут белогвардейщине не удалось скрыть под демократической маской свое подлинное лицо. И тем не менее Врангель возобновляет эту попытку, хотя с первых же шагов для всякого наблюдателя ясно, что и она кончится таким же провалом.

«В своих речах,—говорит Валентинов,—Врангель обещал в вопросах, касающихся внутреннего устройства Крыма и России, руководствоваться демократическими принципами и широко раскрыть двери общественности. Была провозглашена беспощадная борьба с канцелярщиной и рутинной. Началась стремительная замена одних лиц и учреждений другими. Фактически, впрочем, дело сводилось лишь к калейдоскопической перемене фамилий и вывесок, а зачастую даже только последних. Был упразднен знаменитый «Осваг», составлявший целую эпоху в период политики Особого совещания, но вместо одного «Освага» расплодилось чуть ли не дюжина маленьких «осважнют», представлявших в подавляющем большинстве случаев скверную креатуру своего родоначальника.

Немудрено, что все эти попытки реформаторства, хотя бы самого скромного и убогого, кончаются полной неудачей. Деникин, Врангель и другие, ставшие наверху вожди, выдвигавшие лозунги реформы, были простым слепым орудием в руках тех классов, которые стояли за их спиной и которые на деле руководили всем движением.

«За войсками следовали владельцы имений, не раз насильственно восстанавливавшие, иногда при поддержке воинских команд, свои имущественные права, сводя личные счеты и мстят»,—пишет в своих записках Деникин.

«В некоторых местностях, где уже наступало некоторое успо-

коение, некоторые землевладельцы возвращались в свои поместья и вносили вновь элементы брожения непомерным вздутием арендной платы»,—говорит в другом месте тот же Деникин.

Не надо думать, что помещики действовали в этих случаях самовольно, что они шли против намерений и действий своего правительства. Нет, они только на деле осуществляли то, что путем новых законов и «предписаний» постановляли эти белогвардейские правительства. Так, например, тот же Деникин, который как будто не одобряет действий помещиков 23 марта 1919 года, послал на имя председателя организованного им «Особого совещания» предписание «приступить немедленно к обсуждению мер для возможного восстановления промышленности и к разработке рабочего законодательства, приняв за основу его восстановление законных прав владельцев фабрично-заводских предприятий», т. е. возвращение этим владельцам взятых у них революцией фабрик и заводов. Помещики в своей сфере только выполняли это «восстановление законных прав владельцев», которое предписывал Деникин.

Не надо думать, что помещики, следовавшие за армией, сколько-нибудь расширительно толковали «предписания» Деникина. Они буквально выполняли то, что предписывал им Деникин и созданные им органы.

Возьмем, например, «земельное положение», составленное при Деникине комиссией Колокольцева. Оно по характеристике Деникина в основе своей имело следующие положения:

«Помещичья земля свыше известной нормы передается добровольно или отчуждается в собственность крестьян за выкуп. Норма, не подлежащая отчуждению, частновладельческих земель, в зависимости от местности,—от 300 до 500 десятин. Целый ряд изъятий в отношении культурных и заводских хозяйств еще больше уменьшал общую площадь переходящих к крестьянам земель. Отчуждению не подлежали земли городов, земств, монастырей, церковные, духовных учреждений, ученых и просветительных обществ. По мере занятия отдельных местностей должны были немедленно вступать в распоряжение своими угодьями казна, банки, города, церкви, монастыри, перечисленные выше учреждения, а также во многих случаях частные собственники... Наконец, положение предусматривало, что земельные органы приступят к отчуждению только по истечении трех лет со дня восстановления гражданского мира во всей России».

Проект Колокольцева был переработан. Но и после этого он оказался также построенным в интересах помещиков. Была только несколько понижена норма во всяком случае оставляемых за помещиков земель.

«Но даже это творение—акт отчаянной самообороны класса—вызвало смятение в правых организациях»,—пишет Деникин.—«На проект Колокольцева, ставший известным Совету государственной обороны, последний отозвался немедленно письмом Кривошеина и постановлением от 14 июля: «Налагаемое

законопроектом принудительное перераспределение владения возбуждает серьезные опасения в том, что проведение его в жизнь породит тяжелые продовольственные последствия для государства и экономическое обесценивание его». Совет успокаивал себя только тем, что в течение трехлетнего срока «непреложные законы экономического развития укажут на правильный путь для будущего русского сельского хозяйства», и рекомендовал ограничиться возобновлением деятельности Крестьянского банка и созданием землеустроительной и землемерной организаций, которые «внесут в деревню успокоение вернее и скорее, чем самые красноречивые обещания».

Деникин как будто не одобряет этой борьбы «правых организаций» за помещичью землю. А между тем сам же выставляет эти помещичьи требования в своей «декларации», составленной Астровым. Вот что содержат пункты 3 и 4 этой «декларации»:

3) «Сохранение за собственниками их прав на землю. При этом в каждой местности должен быть определен размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев, и установлен порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным. Переходы эти могут совершаться путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату...

4) «Отчуждению не подлежат земли казачьи, наделные, леса, земли высокопроизводительных сельскохозяйственных предприятий, а также земли, не имеющие сельскохозяйственного назначения, но составляющие необходимую принадлежность горнозаводских и иных промышленных предприятий».

На противоположном конце России—в Северо-западной области—мы видим те же стремления помещиков и такое же поощрение этих стремлений со стороны «северо-западного правительства».

«На нашем Северо-западе,—пишет Горн,—земельный вопрос с самого начала появления белых у власти принял уродливые, вредные для движения формы. В верхах армии, и еще более в ее юбке, двигалось много помещиков, и чего мудреного, что, будучи материально заинтересованы в сохранении своего землевладения, они считали большевизмом санкционирование всех крестьянских захватов, происшедших за время революции».

Но и на Северо-западе помещики действовали не самовольно. И здесь они только осуществляли «приказы», издаваемые белогвардейским правительством, предварительно заставив это правительство издать такие «приказы».

Об этих «приказах» подробно рассказывает Горн в своих записках.

Так издан был, например, «приказ № 12», который обязывал крестьян вернуть помещикам все движимое имущество, которое они у них захватили.

За № 12 последовал «приказ № 13», которым белогвардейское правительство пыталось вернуть помещикам и землю, взя-

тую у них крестьянами, т. е. полностью восстановить старое помещичье землевладение. Вот как характеризует этот приказ цитируемый Горном Богданов:

«Творцы приказа № 13 вполне недвусмысленно, с солдатской прямолинейностью заявили, что на место отпавших органов советской власти должны стать прежние ее владельцы (т. е. помещик, крупный земельный собственник, церковь, монастырь и пр.), которым и должна уплачиваться аренда за землю, причем его (приказ № 13) постарались сейчас же распространить на всех граждан, которым было разрешено собрать в 1919 году урожай на обработанных и занятых ими землях. Пунктом 4-м прежнему владельцу возвращалась усадьба, т. е. жилой дом с необходимыми постройками и площадь, занятая садом и огородом. Покосы также (пункт 8). Другими словами, частновладелец по приказу № 13 восстанавливался полностью: за пахотную землю получает аренду (большого творцы приказа здесь сделать не могли, ибо земли были обработаны и засеяны); усадьба поступает в его полное распоряжение; непахотными угодьями он распоряжается по своему усмотрению (хочет сдает, хочет не сдает в аренду). Наконец приказом № 12 ему дается право получить обратно живой и мертвый с.-х. инвентарь».

«Практика применения приказа № 13 дала не менее плачевные результаты, чем применение приказа № 12. Наиболее ретивые из частных владельцев стали требовать выселения из имений засеявших там батраков и малоземельных крестьян со всем их с.-х. скарбом и передачи бывших имений по принадлежности. Все без исключения частные владельцы пожелали получить аренду за пахотную, выгонную и покосную земли. Многие стали добиваться аренды не только вперед за 1919—1920 г., но и за годы революции, когда никаких уплат не производилось... «Канцелярии комендантов и земельных органов оказались заваленными новыми делами. На деревню посыпались допросы, дознания, аресты с вызовами за десятки верст, с обвинением порогов, потерей рабочего времени, обвинениями в сочувствии или принадлежности к коммунистам, приводившими иногда обвиняемых к смертной казни».

Наученный несколько горьким опытом своих предшественников в разных концах России, а в особенности печальной судьбой Деникина, Врангель попытался пойти на уступки зажиточному крестьянству. Это зажиточное крестьянство он задумал сделать своей социальной базой. В его руки должна была перейти земля, и оно должно было стать защитником частной собственности.

Но проведение этой реформы было поручено помещикам, которые вовсе не хотели даром расставаться со своей землей. Они хотели продать ее и притом за хорошие деньги. Прежде всего они начали саботировать выработку нового аграрного закона. «Большинство комиссии решительно отвергло принцип принудительного отчуждения и сводило реформу к содействию крестьянам в покупке земель у помещиков». Врангель назна-

чил для выработки закона вторую комиссию, но и в нее вошли те же помещики, что и в первую.

«Намерения большинства комиссии,—говорит в своих записках Оболенский,—были совершенно ясны: считаясь с обстоятельствами, провозгласить реформу, но осуществление ее отложить на возможно долгий срок, а там—видно будет. Они надеялись, что если Врангелю удастся победить большевиков и силою штыков утвердить свою власть в России, то вопрос о земельной реформе будет снят с очереди, и все останется по-старому».

Наконец закон был выработан. «В основу этого закона,—пишет Раковский,—был положен принцип принудительного отчуждения и выкупа. Новые собственники земель должны были уплатить за них правительству одну пятую ежегодного урожая или же соответствующую сумму в течение 25 лет. Этими платежами правительство хотело удовлетворять бывших землевладельцев. Закон составлен был очень казуистично, написан суконным канцелярским языком, для населения совершенно непонятным».

«Нужно сказать,—пишет Оболенский,—что выкупные платежи действительно были исчислены слишком высоко, ибо одна пятая урожая с десятины превращалась при трехпольной системе в три десятых с десятины посева, а при распространенной в Крыму залежной системе в половину, а то и более».

Итак, помещики, которые выработали врангелевский закон, решили сделать из передачи земли крестьянам очень выгодное для себя дело. Крестьяне должны были ни за что, ни про что в течение 25 лет платить помещикам, по признанию Оболенского, половину урожая с десятины посева. Но, чтобы вполне оценить всю выгодность для помещиков выработанного ими аграрного закона, надо принять во внимание, что они были в то время в совершенно безвыходном положении, что им угрожала полная потеря земли, что земля в то время потеряла всякую ценность. «В то время,—пишет Оболенский,—рыночная стоимость земли была крайне низка. Земля являлась, пожалуй, самым дешевым товаром, и я знаю целый ряд случаев покупки земли в Крыму за бесценок».

Крестьяне поняли задуманный обман. «Неудивительно,—пишет Раковский,—что население настолько отрицательно отнеслось к этому аграрному закону, что во многих волостях как в Крыму, так и в северной Таврии, крестьяне совершенно уклонились от выборов в волостные земельные советы».

Но стремления во что бы то ни стало восстановить дореволюционное старое обнаруживались не только в области аграрной. Те же попытки реставрации видим мы во всех решительно областях жизни и во всех уголках, где белогвардейщине удавалось хотя бы на короткое время установить свою власть. Так было, например, в Сочинском округе.

«После прихода добровольцев в Сочинский округ,—пишет Воронович,—все демократические организации—городская дума,

Земский комитет, профессиональные рабочие союзы,—были распущены, а не успевшие во-время скрыться члены этих организаций были арестованы по обвинению в государственной измене».

«Все управление округом перешло к военным властям, которым были подчинены начальник округа и участковые пристава, на каковые должности были назначены опытные чины прежней жандармерии и полиции. Затем была сформирована государственная стража из бывших стражников, полицейских урядников и городских. Новое начальство принялось энергично за восстановление «порядка и законности» и прежде всего начало сводить свои личные счеты с населением, вымещая на нем все выпавшие на их долю за время революции обиды и унижения».

Немудрено, что такая безудержная реставрация скоро вызвала со стороны населения резкий отпор.

«Недолго продолжалось,—говорит Воронович,—равнодушное отношение крестьянства к новой власти, которая вскоре возбудила к себе жгучую ненависть крестьян. Ненависть эта была вызвана, во-первых, назначением на административные посты старых полицейских взяточников, во-вторых, начавшимися реквизициями кукурузы, фуража, лошадей и повозок и, в-третьих, безобразным поведением новых властей и преследованием крестьян за пользование частновладельческими участками, хотя большинство этих участков было передано в пользование крестьянам учрежденным при Временном правительстве Земельным комитетом».

Таково же было положение дел во всех областях, занятых белогвардейцами.

«В области практического управления,—признает даже Деникин,—дело обстояло хуже, нося внешнее признание реставрации. Управляющий внутренними делами Чебышев ставил губернаторов почти исключительно из числа лиц, занимавших эти должности до революции, желая «использовать их административный опыт». Это были люди... по психологии и мировоззрению, навыкам, привычкам столь далекие, столь чуждые совершившемуся перевороту, что ни понять его, ни подойти к нему они не могли. Для них все было в прошлом, и это прошлое они старались возратить и в формах, и в духе. За ними следом потянулись низшие агенты прежней власти, одни—испуганные революцией, другие—озлобленные и мстящие».

Точно то же повторялось и в противоположном конце России—в Псковской области.

29 мая 1919 года эстонцы заняли Псков. «Немедленно после этого,—говорит Горн,—подняли голову правые элементы, и среди купечества пошел разговор, что не мешало бы собрать Думу не Временного правительства, а царскую, существовавшую до революции; затем заметное беспокойство обнаружила еврейская часть населения: откровенно стали грозить погромом черносотенцы».

«Гласные уездного земства—крестьяне—не сидели в Искове... И Хомутов договорился о восстановлении земства с оставшимися в породе помещиками—бывшими гласными прежнего царского земства. Состав уездной земской управы, за исключением ее председателя, человека умеренных взглядов, оказался чернее черного, а большинство членов управы от дряхлости—совсем нетрудоспособными».

Так было и в Крыму во времена Врангеля, хотя к этому времени белогвардейцы, казалось бы, должны были кое-чему научиться от ряда своих прежних неудачных попыток реставрации. По словам Валентинова, «политические авантюристы всех рангов и калибров, экс-министры Особого совещания, голодные, оказавшиеся на мели осваивники, случайные репортеры вчерашних столичных газет—все это дни и ночи напролет сочиняло обеими руками рецепты спасения России».

«Что касается организации административного управления,—говорит Раковский,—то после Деникина положение не улучшилось, а ухудшилось. Как Крым, так и северная Таврия были наводнены отбросами старой царской администрации. В этом отношении наблюдалась картина полной реставрации, вплоть до того, что администраторы носили даже свою дореволюционную форму».

«Руководящую роль в Крыму играли крайние реакционеры. В тесном союзе с ними находятся хищники и акулы—аферисты, которые в мутной крымской воде получили богатый золотой улов. Больше, чем когда-нибудь, теперь приобретают влияние представители черносотенного духовенства, которые с осени начинают вести особенно яростную монархическую агитацию. Устраиваются «дни покаяния» с трехдневным постом. Темная масса электризуется потрошными проповедями и речами Веньямина, Булгакова, Малахова, членов всяких национальных общин и т. д. Священники типа Востокова призывают к «дроблению еврейских черепов».

Даже тогда, когда летом 1920 г. врангелевцы при помощи десанта всего на несколько дней овладели небольшим кусочком Кубанской области, они немедленно начали ту же политику самой безудержной реставрации.

«В своем докладе на общеказачьем съезде Винников, выступавший в качестве заместителя кубанского атамана, разбираясь в причинах неудачи, указывал на то, что представители главного командования, прибывшего на Кубань, были одержимы манией так называемой «твердой власти». Беспричинно злобствовавшие против казачества, они дали простор своим чувствам при первой же встрече с казачьими станицами и сразу изменили отношение местных казаков к десантным войскам. Злоба и месть были положены в основу управления... Генерал Черепов, высадившийся со своим отрядом у станицы Анапской, созвал казаков и объявил им:

«Ну, кончили все ваши крути и рады и выборные атаманы. Довольно накружились и нарадовались. Пора и твердую власть установить!»